

Когда жёлтый карлик выходит на охоту

Автор:

Оксана Алексеева

Когда жёлтый карлик выходит на охоту

Оксана Алексеева

Романтика с веселой приправой

Я не верю в любовь. Верю в страсть, влюбленность, свято верю в секс, даже в привычку – пожалуйста, но только не в вечную любовь. Люди называют это цинизмом, я – рациональностью. И все идет по плану... пока не встречаешь человека с точно такими же взглядами на жизнь. При создании обложки использованы исходные материалы с сайта pixabay

Глава 1. Его Высочество

...но мама почему-то не обрадовалась.

И это было, мягко говоря, странно. Уж от нее-то я ожидала поддержки в первую очередь! Она должна была понять. Не ей ли давно пора в корне пересмотреть свои стереотипы?

Мой план был продуман от начала до конца на все возможные варианты развития событий, включая применение химического оружия и вторжение инопланетных захватчиков. От и до! Но маме не понравился даже не сам мой план, а цель этого плана, и уж тут я бессильна объяснить логику этой женщины. А план-то гениальный – выйти замуж за «правильного» мужчину. Тем более, когда я нашла самого подходящего кандидата.

В сказках все положительные героини представляют из себя нечто отстойное – наподобие замухрышки Золушки или бессловесной Русалочки. А что делать тем, кто в этот идеальный образ не вписывается? Что делать Снежной Королеве,

например? К счастью, я всегда была достаточно рассудительной, чтобы объективно себя оценивать, да и видела целый ряд преимуществ в том, чтобы быть Снежной Королевой вместо этих романтичных цац. Но вот только возникает вопрос – а как в реальной жизни, имея внутри холодное сердце, заполучить Его Высочество Прекрасного Принца? Ведь и Снежной Королеве хочется завоевать полцарства, чтобы отпала необходимость копать в золе! Лично я для себя на этот вопрос давно ответила – Снежная Королева должна притвориться Золушкой. Я к этому всегда была готова, да и подходящий Принц не заставил себя ждать слишком долго.

Представьте себе идеал – сошедшего с экрана старого вестерна двадцатипятилетнего голубоглазого блондина с загорелым лицом и мужественными скулами. Представили? А теперь возведите свои впечатления от увиденного в десятую степень. Получилось? И если да, то тут вы непременно задумаетесь – а что же с ним не так? Он то ли наркоман, то ли извращенец, то ли Казанова доморощенный, то ли бездельник диванный, то ли глуп, как пробка, а скорее всего – все вместе. Плюс обязательная самовлюбленность. А как же иначе? Не бывает так, чтоб в человеке идеальным было все. Ан нет – и тут мимо! Теперь представьте, что он обладает спокойным и уравновешенным характером, вежлив и образован, да еще и финансово состоятелен, возведите это в десятую степень – ну же, давайте! И если вдруг у вас и это получилось, значит, теперь я могу вам представить его – моего личного принца. Руслан Владимиров – талантливый писатель, имя которого то и дело мелькает на страницах литературных изданий, в самых «дамских» из которых непременно подчеркивается, что Руслан, несмотря на все вышеупомянутые достоинства, обладает еще одним – на мой вкус, наиважнейшим – он холост. Вот именно за него я и собралась замуж.

Идея эта, конечно, пришла не вмиг. Когда увидела его впервые, то заприметила знакомое лицо, не сразу сообразив, кто он такой. При второй встрече подозрения подтвердились. Тогда и начал выстраиваться мой грандиознейший план по захвату лучшего холостяка года в мои нежные объятия.

Но мама почему-то не обрадовалась. Я с детства привыкла без утайки рассказывать ей почти обо всем – она мне скорее не мать, а подруга. И именно она внезапно заявила: «Ну и ерунду ты несешь, доченька!». Потом посмеялась и в конце заставила поклясться, что ни в какие неприятности я ввязываться не стану. Я и не собиралась! Наоборот, план-то как раз и состоял в том, чтобы выбраться наконец-то из всех наших неприятностей.

Скепсис мамы был отчасти оправдан. Да, мне есть что ставить на карту, но и таких же «талантливых» претенденток на должность второй половины Прекрасного Принца, думаю, пруд пруди. Но перед ними всеми у меня было явное преимущество – твердое осознание того, чего я хочу, зачем мне это надо, чем для этого готова пожертвовать, и самое главное – холодная голова, а не никчемная влюбленность.

Да, пусть мне всего двадцать, но я уже успела понять, по какому принципу устроены социальные связи и семейные отношения. Отец бросил нас, мне тогда еще семи не исполнилось, оставив и меня, и женщину, которую он якобы любил, ради очередного смысла жизни в виде очередной женщины, которую он тоже якобы любил. Стоит отвлечься на то, чтобы углубиться в этот вопрос. Мама моя была из очень богатой и солидной семьи, жила в Петербурге, а потом познакомилась с отцом, который приезжал туда на стажировку. И влюбилась без памяти – почти реальное воплощение Пастуха и Принцессы, только еще хуже.

Бабка с дедом, пусть земля им будет пухом, предупреждали ее, удерживали от опрометчивого шага, но она то ли сериалов насмотрелась, то ли просто не в себе была, но забила на все и уехала вслед за своим возлюбленным в наш поселок. Да так уверенно рванула, что даже общаться с родней перестала. В итоге и квартира их питерская ушла по завещанию ее младшему брату. Папаша-то мой крановщиком числился, зарабатывал неплохо, а маман на тот момент и вовсе к жизни приспособлена не была. Не то чтобы к жизни в нашем поселке – а к жизни вообще. Потому-то столько ошибок и наворотила. Но она привыкала, все терпела – и условия жизни, которые сильно отличались от привычных, и жуткий климат, и отсутствие работы, и начавшиеся со временем пьянки и скандалы. В результате семейка наша стала настолько пропащей, что мы не особо-то и удивились, когда папаша через семь лет бытовой сказки все же отчалил искать другую сказку. И вот моя барышня кисейная с тех пор и продавщицей в местном магазине, и сторожем, и на полставки уборщицей подрабатывала, лишь бы меня прокормить. К своему брату за помощью она обращаться не стала – гордость не позволила. Она за все эти годы сильно изменилась, «обабилась», но что-то в ней осталось прежним – не в ее характере являться перед кем-то побитой собакой.

Я не о тяготах жизни сейчас рассуждаю, а о любви. Она отца любила больше своей семьи, больше уюта и благополучия, больше себя самой. Да и он ее когда-то любил, по ее рассказам. И куда все это делось? Любовь – она ж явление временное. Она есть, пока не начинаются пеленки, немытая посуда, проблемы на работе и усталость друг от друга. И рано или поздно непременно проходит –

даже в тех семьях, где отцы не бросают жен с детьми – о, они остаются, чтобы терпеть, терпеть, терпеть до гробовой доски, но суть-то от этого не слишком сильно меняется. Не уверена, что мы были бы счастливее, если бы папаша с нами остался. Разве что маме было б полегче – но только материально, не морально. Я очень рано поняла, что любви не существует. Есть влюбленность, страсть, даже привычка – пожалуйста. Иногда до такой степени мощные, что забываешь обо всем остальном; но дураки те, кто считает, что это навсегда.

Таким образом, вооружившись этим и многими другими знаниями, для себя я определила твердо, что я не из числа тех самых дураков. В мою задачу входило вытащить и себя, и маму из этой жизни, хотя сама она уже настолько ассимилировалась, что и проблем не видела. В школе я была отличницей – оправдывала все возложенные на меня мною же надежды, после – поступила в институт на бюджет. Родительница моя и без оплаты за учебу едва могла потянуть мое проживание в городе, при этом себе во всем отказывая.

В конце первого курса я начала искать подработку, чтобы хоть как-то облегчить ей задачу моего содержания, да не тут-то было. Из доступных вакансий – панель или что-то неподалеку. Кое-как, через друзей, удалось устроиться барменом в одном очень неплохом заведении, они мне даже курсы какие-то организовали. Матери об этой работе не сказала – врала, что получаю повышенную стипендию, чтоб она лишние копейки мне не присылала.

К окончанию второго курса, то есть к настоящему времени, успеваемость моя институтская уже успела улететь псу под хвост. Да-да, многие говорят, мол, все зависит от желания и характера. Зависит, да только в определенной мере. Попробуйте-ка ходить на все пары, когда у вас работа заканчивается в два ночи, попробуйте сдавать все работы вовремя. Я уже давно отказалась от сплошных пятерок, решив, что и троечный диплом мне подойдет, лишь бы не отчислили. После вуза мне, если сильно повезет, светила работа по специальности, но без опыта зарплата будет микроскопической. Этого явно недостаточно, чтобы вытащить из поселка и мать. Хорошая должность без связей сразу после института – это в сибирском городке относится к области научной фантастики.

В итоге я начала прорабатывать и другие варианты обустройства собственной и маминой жизни. И, как ни крути, самым реальным из них казался отыскать себе богатого жениха. Моральный аспект такого шага меня не волновал вовсе – это чушь, которую я себе позволить не могла.

Мне на тот момент виделось, что задача не столь невыполнима, как это представлялось моей романтической маман. Козыри были: яркая внешность, светлые волосы, хорошая фигура, подвешенный язык и удачный цвет глаз. Ну и что с того, что "цвет болотной жижи" не воспевается в любовных романах? Зато при нужном освещении он способен балансировать от "почти настоящего зеленого" до "подозрительно желтого", что можно рассматривать как дополнительный бонус к таинственности. В любом случае, я очевидных недостатков в себе видеть не собиралась – проживу и без ненужной скромности.

Ах да, забыла про умение готовить – а готовлю я так, что сам дьявол пальчики оближет! И еще – я девственница. Знаю, что аргумент этот ни в каких отношениях не может быть решающим. Это так, в довесок к остальному, как письменное признание в том, что избранник мой – первая и последняя любовь. Вручу, так сказать, как презент, сама не знаю, что он будет с этим презентом делать. Конечно, я испытывала сексуальное желание прежде, да и с мальчиками встречалась чуть ли не с девятого класса, но выхода этому чувству не давала, поскольку знала наверняка, чем все закончится. Возможно, именно поэтому ни одни мои отношения не продлились больше нескольких месяцев. Или все же потому, что ни один из моих ухажеров не был в состоянии решить моих проблем. Если уж связывать свою жизнь с кем-то, то только с принцем. Руслан Владимиров вполне на эту вакансию годится.

Мне сразу его лицо показалось знакомым. Он выпивал со своим приятелем в баре, где я работала, и заразительно смеялся. Во второй его приход я уже была более подготовленной – вспомнила и успела навести справки. На данный момент издательство опубликовало два его романа. Один я даже попыталась осилить, но такой беспросветной бессюжетной нудятины я со времен школьной программы не видывала... что являлось дополнительным аргументом в пользу серьезности ее автора. Поэтому и ограничилась поверхностным ознакомлением.

Владимиров заходил к нам пару раз в неделю – похоже, что жил неподалеку. Всегда в сопровождении своего друга. Иногда они выпивали по одному виски и уходили, иногда оставались надолго, но самого Руслана заметно пьяным я никогда не видела, чего нельзя сказать о его приятеле. Того иногда товарищ по несчастью уносил еле живым, пытаюсь отцепить от него назойливых девочек. Девочки явно были непроходимо тупы, раз обращали внимание на эту шатающуюся мерзость, когда рядом находился сам алмаз.

То, что они геи, пришло в голову через несколько посещений. Ничего такого я за ними не заметила, но сам факт настолько тесной дружбы и того, что они всегда приходили и уходили вдвоем, наталкивал на некоторые подозрения. Однако ж друг его поведением своим раз за разом доказывал, что, как минимум, очень даже бисексуален. Мой же Владимиров всегда вел себя предельно серьезно – отшивал девочек мягко, но однозначно, сам никогда ни с кем не знакомился. Если мои подозрения насчет его ориентации верны, то это не станет препятствием для моей цели. Город у нас небольшой, слава его сейчас на подъеме, вряд ли он станет рисковать с камин-аутами. Ему, как никому другому, нужно прикрытие. А симпатичное, белокурое чудо в моем лице вполне согласно этим прикрытием стать. Оно – это самое чудо – еще умеет готовить и утку по-пекински, и украинский борщ. Да и так, вся из себя – одни сплошные достоинства! Мне ж не любовь от него нужна, в конце-то концов. Возможно, так даже было бы лучше, честнее... хотя честность в этом вопросе меня интересовала меньше прочего.

В омут бросаться было рано – я подозревала, что под идеальной личиной талантливой писателя и внешне уравновешенного парня вполне может скрываться маньяк-садист или, на худой конец, аутист с клинической депрессией. Я готова была пойти на многое, чтобы заполучить принца, но не на все. Поэтому деньги его имели значение только при условии, что и сам он человек уживчивый. Ведь только для такого я могу стать идеальной спутницей жизни.

Он уже знал меня в лицо, даже кивал, приветствуя, а я, отлученная от него целой барной стойкой, изучала список его вкусов и заказов, прислушивалась к разговорам, делала выводы. Решила уточнить еще хотя бы одну деталь, для чего нарочно опрокинула шейкер – так, чтобы адская смесь попала прямехонько на его сногшибательный пиджак.

– Ох, простите! – я заметалась в поисках салфетки или слов извинения, соответствующих случаю.

– Да ничего, ничего, – Руслан встал, принял из моих рук бумажное полотенце и спокойно вытер ткань – ни словом, ни жестом не проявив при этом раздражения.

Про себя я поставила ему еще одну галочку, но вслух лепетала:

– Извините! Я могу возместить ущерб... Боже мой, простите меня!

– Не нужно, Алина, – он, улыбаясь, протянул мне назад салфетку. – Не волнуйся.

Вуаля! Руслан Владимиров теперь знает мое имя. Наверное, он знает его уже давно – на бейдже написано, но впервые обратился ко мне так.

– Ладно, хватит уже, – неуместно вставил его друг, остановив тем самым поток моих дальнейших сожалений. По своей всегдашней привычке он продолжал постукивать брелоком по стойке и выказывал крайнее раздражение от наших мелкобытовых проблем. – А теперь сможешь своими кривыми ручками мне еще одну сделать, А-ли-на?

Этот стук ключами от машины, которой я никогда не видела, потому что владелец ее всегда был бухим, провоцировал меня уже людей топором убивать, но я не тратила силы на это раздражение. Ссора с другом принца – не лучший способ завоевать полцарства. Сцепила зубы на секунду, а потом очаровательнейше улыбнулась и ему:

– Конечно. Минутку.

С этого дня как-то так повелось, что они часто садились за стойку, и Руслан даже вскользь интересовался моими делами. Ничего особенного – просто треп со знакомым барменом, что для завсегдатаев в порядке вещей, но это был шаг к нашему предстоящему браку, хоть он сам об этом пока и не догадывался.

Этот треп ни к чему бы не привел – и ежу понятно. Может, он и находил меня симпатичной, но явно не выделял из толпы остальных красоток. Следующий шаг возможен только за счет более активных действий. Главное – все обдумать.

Я отринула идею прикинуться его фанаткой – в нашем городе, как это ни парадоксально, его мало кто узнавал. Книги его гораздо успешнее раскупались в столице, а первая – уже и за границей. Вот такая местная знаменитость мирового масштаба, не особо утопающая в популярности. Кроме того, меня опередила парочка продвинутых девиц, которые не только узнали автора «их любимой книги», но, кажется, даже на самом деле ее читали! Он оставил им автографы на салфетках и так же вежливо, как всех прочих, отшил. Нет, ну вы посмотрите только, на что готовы пойти эти размалеванные тупицы, чтобы

затащить моего принца в койку! В общем, выгоднее притвориться, что я вообще не в курсе, кто он и, соответственно, каковы примерно размеры его гонораров. Лучше уж действовать по старинке, дедовские методы гораздо эффективнее.

Необходимо было создать экстремальную ситуацию, в которой мы с принцем оказались бы по одну сторону баррикад. Это необязательно будет началом романтических отношений, но после этого простыми приветствиями в баре ограничиться не получится. Наняла шпану, обговорила детали. Пацанята мои оказались хоть и небесплатными, но гораздо более дешевыми партнерами по бизнесу, чем я с опаской предполагала. Да и с задачей своей справились. Почти без осечек.

Я кинула вызов, обозначающий начало операции, в такой вечер, который посчитала оптимальным – сегодня Руслан со своим приятелем задержались надолго. Друг его совсем негомосексуально уже успел облапать одну из девочек и взять у нее телефончик для продолжения физиотерапевтических процедур. Владимиров при этом оставался за стойкой. Нам даже удалось перекинуться парой фраз о погоде и выборах нового губернатора. Но мне уже приходилось не раз убеждаться в том, что разговорчики между нами так и останутся разговорчиками, если не найти точку опоры и не перевернуть Землю.

Шпана моя уже пребывала в боеготовности на улице, когда эти двое собрались уходить почти перед самым закрытием. Я, накинув плащик, поспешила за ними, чтобы привести свой план в исполнение. Толик – мой напарник по барной стойке – по одному кивку и предварительной договоренности тут же взял на себя мои обязанности. На улице, к счастью, никого, кроме действующих лиц, не было, что можно было считать дополнительным подмигиванием фортуны.

Конечно, все не могло пройти безупречно – пацаны должны были вырвать сумку из рук Руслана, но, похоже, посчитали, что проще схватить бесконечно болтающиеся на пальцах его друга ключи от машины. Схватили да помчались прочь, все по сценарию. Вечно молодой, вечно пьяный друг принца только пошатнулся и вперился полуудивленным взглядом в собственную ладонь, соображая, чего не хватает.

Руслан тоже не сразу понял, что произошло, но я, будучи готовой к этой ситуации, опередила его мыслительный процесс, ринувшись следом за грабителями с криком: «А ну-ка стой, ублюдок!». Последний из шпаны «позволил» его догнать и отобрать ключи и, следуя оговоренной процедуре, со

всей дури врезал мне кулаком в лицо. Не то, чтобы мы договаривались именно про лицо и именно со всей дури, но тому в спешке было, видать, не до прицела. Я от неожиданной боли упала, неловко подвернув под тело правую руку, а в левой победоносно возвышала отвоеванные в неравной схватке ключи, аки Статуя Свободы – факел.

Руслан попытался догнать «подонка», да где уж там – вся моя группа поддержки уже скрылась в ближайшей подворотне. И только после этого он подлетел ко мне:

– Ты чего? Ты... зачем же бросаешься, глупая?

Я всунула в его ладонь отбитую у врага связку и зажала нос, из которого чуть ли не фонтаном хлестала кровь. Села, ощущая сильную боль в пострадавшей руке.

– Алина! – он ощупывал меня. – Ты как?

– Отлично, – прогундосила я.

Да, пацанята явно переборщили. Но, как потом оказалось, все только на пользу.

– Рука болит? Возьми платок, – в голосе принца звучало искреннее волнение. – В травмпункт сейчас... Антон, вызови такси!

Друг его только теперь удосужился дошататься до нас, выхватил у принца свои ключи и выдал задумчиво-пьяным голосом:

– Че-т как-то тупо воровать ключи от машины, которой даже тут на стоянке нет.

Тупо ему! Придраться, что ли, больше не к чему? Что смогли, то и украли, идиот! Принц мой, видимо, решив, что друг его сейчас не способен на скоординированные движения, сам достал телефон, чтобы позвонить в такси.

«Антон», или как там его, опустил на корточки передо мной и, вместо того, чтобы подать руку и помочь встать, сказал:

– Покажи-ка, – он ненадолго оторвал мою прижатую к носу ладонь, оценил. – Ни фига ж себе, как тебе шнобель размудохали. Теперь еще больше будет, чем раньше... А я до сих пор думал, что это невозможно.

Я застонала – то ли от боли, то ли от злости. Но терпела в ожидании заслуженной награды, которая и последовала. Есть, ребята, такая вещь, как благодарность. Ну это типа транзакции взаимности – да-да, не все институтские курсы мимо меня прошли. Если помогаешь кому-то, то он после этого считает себя просто обязанным помочь тебе. А если уж ты еще и при этом пострадал, пожертвовал собой ради него, то он, считай, теперь навеки твой должник. И суть не в ценности отвоеванного имущества, а в самом этом порыве. Миром правит чувство вины, люди хотят отблагодарить – при условии, что они не полные мудаки. Они и такси тебе в травмпункт вызовут, и рядом сядут, потому что «ну нельзя же ее одну...». А уж если они полные мудаки, то прокомментируют: «Да ну, я устал и хочу спать, куда еще ехать-то? Да залатают ей шнобель, нам туда зачем?». Правда, недовольные, тоже усядутся в такси, за компанию. Чтобы дышать на бедного водителя всеми ароматами Франции.

Оказалось, что нос мне просто разбили – ничего страшного, уже завтра-послезавтра отек должен сойти. А вот в запястье у меня трещина. В травмпункте мы проторчали без малого три часа. И за все это время принц меня не покинул, что дало нам возможность наконец-то «познакомиться», а друг его тихо дрых на неудобной лавке в коридоре, нагло разогнав других пострадавших, ожидавших своей очереди. Зато мы с Русланом разговаривали, чтобы забить возникающие паузы. Я выложила, как на исповеди, что заканчиваю второй курс и в городе пробиваюсь сама по себе. Он же ничего особенно интересного о себе не рассказывал, намекнул только, что профессия у него связана с творчеством, а сопящий на соседней лавке алкоголик – его лучший друг, практически с того самого времени, как они в детском саду сидели на горшках по соседству. Врачи меня наконец-то отпустили восвояси, наложив гипс и выдав листок с советами по дальнейшему лечению.

И снова такси. Сейчас он спросит, куда меня отвезти, а раз уж я целую трещину в кости заработала, то душа моя требовала еще бонусов. И поскольку мне поставили кучу обезболивающих, я почти честно уснула на принцевом плече практически сразу после приземления в машине. Мне вообще-то и в обморок не слабо, так что, Русланчик, не испытывай мои актерские таланты на прочность! В итоге меня прямо на заботливых рученьках доставили в мой будущий дом. Глаза я старательно держала закрытыми – осмотрюсь завтра, не к спеху. Даже что-то

холодное к носу присобачили ласковыми пальчиками моего уже почти мужа.

Проснувшись утром, но открывать глаза очень уж не хотелось – столько часов подряд я не спала, кажется, с самого переезда из поселка. Но пришлось, когда я ощутила очень неуместное шевеление по соседству. Едва приоткрыв один глаз, я увидела ухмыляющуюся морду Антона. Он лежал рядом, подложив руку под голову и смотрел мне прямо в глаза.

– А расплачиваться чем будешь?

– За что? – спросила я совершенно искренне, отрывая от носа давно уже ставшую теплой повязку.

– За ночлег, – так же искренне оповестил тот, после чего демонстративно отодвинул ворот моей блузки, чтобы заглянуть, есть ли там что для него интересное.

Я отпихнула его с силой и взвыла от резкой боли в сломанной конечности, о которой уже успела и позабыть. Собралась с силами, встала, оправила левой рукой одежду, подошла к зеркалу, пригладила волосы. Нос до сих пор выглядел ужасно – но это не страшно, сейчас важнее вызвать жалость, чем сразить наповал своей красотой. На Антона я внимание решила не обращать, ведь не он же цель... Постойте-ка! Я повернулась к нему, до сих пор лежавшему на кровати:

– Это твоя квартира?!

– Нет, Руслана, – он зевнул и тоже нехотя поднялся на ноги. – А что?

Облегченно улыбнулась. Ничего, тогда все в порядке! И нужды отвечать нет – этот хмырь в нашей сказке вообще не участвует. Поэтому я, гордо задрав опухший нос, прошествовала из комнаты наружу.

И оказалась в гостиной, о которой всю жизнь мечтала – огромная, полукруглая, в светло-бежевых тонах, посередине диван и плазма на стене. А возле окна кадка с пальмой. С – перекося меня зигзагом – самой настоящей пальмой! Ар-р-р! А дальше – просторная кухня. И за столом сидит мой принц в такой уютной домашней одежде.

И с такой неудобной девушкой прямо на соседнем стуле...

О, нет. Только не это! Пусть он лучше окажется геем, безнадежно влюбленным в своего вечно смердящего друга – беспринципно натурального! Я замерла от неожиданности, но меня довольно грубо подтолкнули в спину:

– Садись. Завтраком тебя тоже накормим, раз мы такие добрячки, – и, обращаясь к девушке, он сменил тон на настолько мягкий, какого я до сих пор от него не слышала: – Привет, Зай.

– Привет, Антош.

Эта их переключка всколыхнула во мне волну надежды, которая тут же и умерла – после того, как Руслан с нежностью погладил ее по руке и произнес:

– Знакомься, Оль, это Алина. Алина, это моя невеста...

А вот теперь конец. Финита ля комедия, как говорится. Я, конечно, продолжала улыбаться – роль-то нужно доиграть, но все вставало на свои места: он отшивал девиц в баре потому, что у него уже есть вот это чудовищно неуместное черноволосое безобразие, которое тут же приветливо обратилось ко мне с какими-то глупыми вопросами о самочувствии и никому не нужными мнениями о том, что «мне не стоило вот так бросаться, ведь все могло обойтись куда хуже». Она же пододвинула мне тарелку с яичницей, она же налила кофе. Я только односложно отвечала, подспудно соображая, что теперь делать и где искать нового принца.

– Антош, а ты что делал в комнате с Алиной? – Ольга переключилась и на моего «попутчика», тоже усевшегося за стол справа от меня.

Я ожила. Жертва – так жертва до конца! Сейчас уже вроде как и терять нечего, а так – хоть раздражению дам выход:

– А он требовал с меня платы. За ночлег.

Но, как выяснилось, никакого особого протеста мое громкое заявление не вызвало:

– Антош, – с веселым упреком обратилась к нему Ольга. – У тебя вообще совести нет? Девочка только вчера из-за вас так пострадала!

Девочка?! Да она старше меня, максимум, на пару лет! Что за неуважение к сопернице?

– Девочка не из-за нас пострадала, – спокойно ответил «обвиняемый», – а из-за собственной тупости.

Мой принц только с улыбкой качал головой – вероятно, такое поведение его друга было в порядке вещей.

– Спасибо за завтрак, любимая, – Руслан поднял голову так, чтобы та, проходя мимо, нагнувшись, смогла чмокнуть его в губы.

– Не за что, – ответила она, снова усаживаясь за стол. – Ты же знаешь, что это предел моих кулинарных способностей. Да я давно говорю, что вам бы повара нанять. Вы в своих кафешках-ресторанах только проблем с желудком...

Предел ее кулинарных способностей? Так-так, оказывается, мне есть чем ее уделать. Но для этого придется еще ой как извернуться.

Завтрак продолжался под нескончаемое сюсюканье, отчего даже аппетит заметно портился. Но неожиданно эта парочка, как по команде «гоп», вскочила и чуть ли не хором заявила, что им пора куда-то ехать.

– Алина, ты отдыхай, сколько тебе нужно, не торопись. А потом Антон отвезет тебя куда скажешь, – добавил Руслан перед уходом, не обратив внимания на раздраженное: «Я нанимался, что ли?».

Буквально через пару минут мы остались вдвоем, я даже и не успела ничего такого придумать, чтобы вернуть контроль над ситуацией в собственные руки.

– Так ты тут живешь? – попыталась быть вежливой.

– Нет, – Антон скидывал тарелки в посудомоечную машину. – Не живу. Так, ночью иногда, – он задумался. – Уже год как.... Или два? Надо бы домой заехать,

одежды весенней взять... кота проведать.

Я вытаращила глаза:

– Ты оставил дома кота?! И не приезжал, даже чтобы покормить?

Я многое могу принять, даже исключительную расчетливость в отношениях с людьми, но живность мучить не позволю!

– Да нет. Шучу я, – ответил Антон. – Нет у меня кота... теперь.

Юморок у него так себе. Я очень надеялась, что это юморок. Но в данный момент мои проблемы выглядели поважнее кошачьих. Ладно, раз расклад такой, то будем играть этими картами:

– А Оля с Русланом давно встречаются?

Он наконец-то с интересом посмотрел и в мою сторону.

– Черт его знает. Лет пять или больше, я не засекал. А что?

Я промолчала.

– Тебе нравится Руслан? – теперь он уже подошел ближе и даже не скрывал иронии.

– Может, и нравится. Тебе-то что? – с некоторым вызовом среагировала я, не успев унять раздражение от этих чудесных новостей.

– У тебя нет шансов. Ольга – идеальна, как и он сам. И у них тошнотворно-идеальные отношения.

Что-то неуловимое в этой фразе мне очень пришлось по душе, поэтому я и не выдержала, заметив с грустной усмешкой:

– Посмотрим еще.

– Ого, – он отчего-то пришел в настоящий восторг. – Готова поспорить?

– Готова, – тоже встала и посмотрела на него внимательнее.

Я только сейчас поняла нечто важное в этом человеке, что импонировало пока только отголосками – он был игроком. И вполне возможно, что играть будет на моей стороне – просто так, чтобы повеселиться, или... Я задумалась ненадолго, анализируя все увиденное и услышанное. В общем-то, я способна сложить два и два или, точнее, «привет, Зай» и «тошнотворно-идеальные отношения», и самое главное – его взгляд, когда он на нее смотрел – не слишком-то удачно скрываемая нежность, поэтому улыбалась теперь увереннее:

– Но разве нам с тобой нужно спорить? По-моему, мы вполне можем поиграть и на одной стороне.

С показным изумлением от того, как я легко его раскусила, он глянул на меня, но уточнил:

– Ты о чем, дорогуша?

Решила идти ва-банк. У меня теперь слишком мало козырей в рукаве, чтобы выбрасывать джокера в лицо этого самого Антона:

– Тебе нравится эта Ольга.

– Нравится, – слишком легко согласился он.

Внутренне я уже ставила подпись в ЗАГСе, но старалась вслух не ликовать:

– Возможно даже, что ты ее любишь, – это не вопрос, а скорее предположение, в котором я уже была почти уверена.

Антон улыбался хитро:

– Люблю.

– Какая трагедия – влюбиться в девушку лучшего друга! – сказалось это каким-то уж совсем нетрагичным голосом, ну да ладно. Он пожал плечами, не собираясь оспаривать выдвинутые обвинения. – Так может, мы в силах помочь друг другу?

Он, задумавшись, вперил рассеянный взгляд в окно. А потом зачем-то шагнул туда и закрыл жалюзи, чтобы и лучика солнца не проникало. Этот Антон очень симпатичный, что и объясняет бесконечное количество девочек, которые в баре на него так и лезут: очень темные волосы, филированные по бокам и на челке, отчего та выглядит неровной, глаза настолько темно-карие, что издали выглядят черными. Ему б еще характер получше, да трезвым почаще бывать, да бестселлер какой-нибудь зафигачить, который и в Европе раскупается влет – цены бы не было. До героя старого вестерна все равно как до луны пешком, но человекообразная обезьяна – уже вполне.

– Ладно, по рукам, – резюмировал он, но руку мне для закрепления сделки так и не протянул. – Помогать не стану, но и мешать не буду, а там посмотрим.

И это уже немало! Парень-то явно сторонник повеселиться – и даже если не ради девушки, то ради самой игры он мне поможет в случае необходимости. Или хотя бы не сдаст. Полной уверенности в этом не было, но при отсутствии других ставок и эта годилась.

Кстати, домой он меня так и не повез. Вызвал такси и на этом посчитал свою миссию по освобождению заложников выполненной.

Глава 2. Свита Его Высочества

Стратегия корректировалась под воздействием открывшихся обстоятельств. Во-первых, у принца была девушка – не какая-там-нибудь, а прямо «невеста». Судя по всему, жила она не в его квартире, что, безусловно, сокращало ее фору, но и без того дистанция между нами выглядела пока непреодолимо бесконечной – Руслан к ней явно относился с трепетно-ванильной нежностью. Брюнетка, под прямое каре стриженная – фи! Джентльмены, как известно, предпочитают блондинок, надо будет как-нибудь ему об этом намекнуть. К моей пуще скорби, ее и исключительным страшилищем считать было невозможно. Но если бы он только открыл глаза и беспристрастно сравнил нас... Значит, придется помельтешить у него перед носом!

Во-вторых, на шее у него практически безвылазно сидит друг детства – со всех сторон неприятный типок. Но тот может оказаться полезным в моей нелегкой миссии, поскольку тоже влюблен в эту... под каре стриженную. Он прямо заявил, что помогать мне не намерен, но уверена, что в случае необходимости пару советов даст. Важно этим не злоупотреблять, а использовать потенциальную помощь очень дозированно, только в случае крайней нужды. Именно поэтому я и не стала пока выпрашивать у него подробности о личной жизни моего принца и об этой Ольге.

Лучше всего сейчас было пробиваться через нее – девушка явно слишком доверчивая, да еще и с непреодолимой тягой к опеке всех униженных и оскорбленных. Она настолько искренне интересовалась мною, что мне даже отчасти стало неловко, но сие ненужное чувство я быстро от себя отмела. Да, выгоднее для начала было сблизиться именно с ней – от такой стратегии подвоха никто не ожидает. Но поскольку выяснить место ее расположения для случайной встречи я не могла, была вынуждена вернуться к варианту снова действовать напролом.

Карьера моя рабочая временно приостановила свой феерический полет. Со сломанной рукой за барную стойку меня, конечно же, не пустили. Но уверена, что если дело с захватом королевства прогорит, то я смогу вернуться на это место сразу же, как избавлюсь от гипса – шеф мною доволен, я ни разу не получала от него никаких нареканий, да и к моей ситуации отнесся с явным пониманием. Максим Анатольевич – вообще очень прикольный чувак, с которым точно можно иметь дело. Поэтому я решила на то, чтобы и его втянуть в свою авантюру. Опять же, бесплатно. Ну а что вообще в нашем мире делается задарма?

Когда Руслан и Антон в очередной раз посетили наш бар по устоявшейся традиции, я уже ждала их там. Сама подошла, поздоровалась, ответила на вопросы Руслана о самочувствии и еще раз поблагодарила за помощь. Антон при этом только недовольно ухмыльнулся и продолжил свои перестукивания ключами по барной стойке – ничему жизнь не учит! Да ни убий в себе дятла...

Потом проследовала к двери для персонала, кивнув Толику, который теперь был вынужден работать и в мою смену, что, в общем-то, только на пользу его кошельку. Дверь, конечно же, оставила приоткрытой – я уже успела убедиться в том, что Руслан в таких ситуациях ведет себя, как и положено принцу, поэтому на этот раз ставка была чуть меньшей, чем в первом случае.

Максим Анатольевич свои бабки отрабатывал с душой – орал так, что даже я чуть не поверила:

– Милочка, ты чего о себе возомнила? Я тут что, инвалидов держать буду? У меня бизнес, а не приют! Давай, дуй отседова, пока ветер без камней!

– Но...

– Никаких «но»! У меня на твое место уже куча претендентов... на улице ждет! Все-все, давай, дуй!

– Но...

– Вон пошла, говорю!

Вышла удрученная, даже слезинку пустила. Толик был в шоке – он такого от шефа уж точно не ожидал. Кинулся ко мне, но я только отмахнулась и качественно изобразила едва сдерживаемые рыдания. Направилась на выход, уповая на то, что никто не подумает в такой напряженный момент, что выход для персонала явно не тот же самый, что и для посетителей. Шаг, два, три...

– Алина, подожди!

Я постаралась не вскрикнуть от радости. Гарантий-то не было, так что радость обозначилась незамедлительно! Руслан тронул меня за плечо, заставляя повернуться:

– Тебя уволили, что ли?

Не поднимая на него глаз, я только кивнула вяло.

– За что? Из-за руки?!

Всхлипнула.

– Да я ему сейчас устрою! Это же прямое нарушение трудового...

– Не надо, – я успела схватить его за рукав пиджака. – Не надо ничего. Меня и так тут держали на честном слове – и на том спасибо... Не надо, Руслан... Я пойду... спасибо...

Развернулась и поплелась в светлое будущее походкой угрюмой коровы. Конечно же, он снова догнал. Принцы – они такие! Совершенно правильный мужик, в котором я изначально не ошиблась!

– Да подожди! Я... – он мешкал в поисках способа мне помочь. – Антон! Да оторвись ты уже от своего стакана!

Тот с очевидным раздражением был вынужден присоединиться к нам.

– Чего еще?

– Ты можешь найти Алине хоть какую-то подработку? Ведь она же из-за нас...

Тот даже расхохотался куда-то в сторону:

– Не из-за нас, а из-за тупости своей! Почему об этом все забывают?!

Я зыркнула в его прищуренные глаза со злостью, но на того это эффекта не возымело:

– Ну какую подработку я ей найду, а? С этими синяками под глазами ее людям стыдно показать, – тут он был прав. Опухоль с носа сошла, но отчего-то синие разводы до сих пор сияли, как их ни замазывай тоналкой. – И рука у нее одна – левая! Сходу я могу придумать только одно применение ее левой руки с использованием некоторых частей моего тела... с двенадцати до обеденного перерыва.

– Антон! – сейчас упрек в голосе Руслана прозвучал довольно отчетливо. – Ну прошу же!

Тот только головой покачал.

– Что ты делать-то умеешь? Одной левой, – этот негодяй обратился наконец-то и ко мне, но теперь я начала рыдать уже совершенно искренне.

Руслан даже приобнял меня, утешая.

– Алин, ну ты чего? Не расстраивайся, что-нибудь придумаем!

– Я все могу делать... – хныкала я. – На подхвате, принеси-подай, что угодно... Готовлю хорошо... – последнее с нажимом, чтобы точно не пропустил.

– О, готовишь? – оживился Руслан. – Оля давно нам талдычит про повара!

Антон схватился за голову, даже не пытаясь сдержать смех, но сейчас Руслан на него не реагировал. Я же вывернулась из его хватки и буркнув: «Не надо, я сама... как-нибудь... чего я с такой рукой наготовлю...», снова направилась к выходу. Позволила себя догнать уже на улице и переубедить. Я почти согласилась на его заманчивое предложение, предполагающее, что я приступлю к работе только после того, как снимут гипс, как из-за моей спины раздалось веселое:

– Кстати, я придумал, что могу подыскать для тебя в офисе!

Мне не надо в офисе! Мне надо прямо в замке у принца! Пришлось повернуться к этому злодею в нашей сказке и взглядом обозначить, куда ему стоит засунуть свою внезапно придуманную вакансию. Он оценил, почему-то внял немой просьбе и добавил не без иронии:

– Или нет.

Я мельком улыбнулась ему, благодаря за неожиданную поддержку. Руслан тут же предложил отправиться к ним, чтобы обсудить детали и дать мне возможность успокоиться за чашкой кофе. Сам вернулся в бар, чтобы расплатиться и забрать куртки. Едва дверь закрылась за его спиной, Антон заметил:

– Неплохо! И в какую сумму обошелся этот скандалчик с начальством?

Я вздохнула обреченно, но решила быть откровенной:

– Вся моя последняя зарплата.

Он подкурил, выпустил струю дыма в сторону.

– Думаешь, эти вложения оправдаются?

– Оправдаются, – заверила я. – За меня не волнуйся. Это еще не все, я только начинаю разворачиваться.

– Хм, – почти уважительно хмыкнул Антон. – Становится интереснее.

Я решила не терять времени попусту и спросила напрямик, отодвинув ложную скромность за ненадобностью:

– Как его невеста отнесется к тому, что Руслан дал почти незнакомой красотке работу в собственном доме?

Он ухмыльнулся – и эта ухмылка сейчас мне сильно не понравилась:

– Никак не отнесется. Даже рада будет, что ее Русланчик помогает бедной однорукой студентке, – он оценил мое недоверие и решил пояснить: – Она уверена в нем процентов на триста. И не зря.

Меня его ответ неприятно озадачил. Было бы неплохо, если б эта стриженная под каре оказалась заодно и ревливой истеричкой. Да и такая уверенность в своем парне – слишком неприятный показатель. Надеюсь, что она просто слепая дура или Антон преувеличивает ее херувимские способности – не секрет, что влюбленные нередко этим грешат.

Спрашивать еще было много о чем, но вернувшийся Руслан лишил меня такой возможности. Мы за десять минут добрались пешком до их дома. Там мне, калеке, принц и плащик помог снять, и за стол усадил, и даже успокоительного кофейку налил в огромную чашку. Продолжать реветь я теперь необходимости не видела – и без того синие разводы под глазами мне баллов не прибавляли.

Я охнула, услышав предлагаемую сумму оплаты моего труда – нет, посмотрите только, куда он тратит наш в будущем общий семейный бюджет! Если даже не женю его на себе, то уж точно смогу неплохо протянуть какое-то время... и маме получится что-то высылать. Хотя нет! Теперь, узнав, что принц является принцем не только снаружи, но и внутри, я обязательно его женю на себе – вряд ли в жизни подвернется еще один настолько же положительный персонаж. В конце концов, замуж выходят не за деньги. Не за одни только деньги.

Но сказки без Кощея Бессмертного не бывает, посему тот тоже вставлял свое слово:

– Так ты ж на дневном учишься? Как же ты собираешься на этой кухне тусить с утра до вечера?

Ну не кретин ли? И когда он-то успел узнать про мою учебу? Я вроде бы рассказывала о своей жизни совсем не ему. Он прав, конечно, но об этом сейчас беспокоиться следовало в последнюю очередь. На дворе весна – до конца учебного года всего три месяца. В понедельник снова появлюсь в деканате, продемонстрирую во всей красе, что я жива и здорова, снова попрошу свободный график, снова получу ответ, что до третьего курса этот вопрос поднимать даже не стоит. Я и без того уже много напропускала. Исчезнуть теперь, когда сессия не за горами – не лучший вариант. Но достаточно будет эту самую сессию сдать. Конспекты я заполучу все – не зря ж я уже почти два года улыбаюсь, как умалишенная, нашему отличнику. Он выручит, как и до сих пор выручал. Преподаватели, конечно, в большинстве своем скептически настроены к злостным прогульщикам, но и они ставят рано или поздно, если все выучить. Тут я справлюсь, а если эту сессию вывезу, то на третьем курсе у меня уже будет больше свободы. Но до того, как я успела объяснить свою позицию, Руслан тут же пересмотрел фронт работ:

– Тогда только ужины. Обедаем мы всегда в ресторане рядом с работой Антона, с завтраками как-нибудь сами справимся. А вот ужины – домашние, простые – это очень даже отлично! Оля будет счастлива!

М-да, и он в реакции своей девушки уверен, как я посмотрю. Меня уже мутит от залихватской местной радужности.

– И зарплата тогда в три раза меньше, – вставил Кощей Бессмертный.

Ну не кретин ли, а? Или я это уже говорила? Руслан же только рассмеялся – как он может дружить с этим чудовищем?

– В два раза. Договорились? – я кивнула, изображая крайнюю степень благодарности. – Ключи я тебе дам. Чаше всего я бываю дома, но не всегда. Ужин... в шесть? На четверых – Оля будет рада составлять нам компанию. Деньги на продукты...

– По-о-огоди-ка! – черт побери, да заткните его кто-нибудь! – Ключи от квартиры? Уверен?

– Да брось ты уже, Антон! – Руслан глянул на друга. – Ну разве ты не видишь, что Алина за человек?

– Ага, вижу. Предельно четко, – откомментировал тот и, откинувшись на спинку стула, наконец-то заткнулся сам.

В итоге мы договорились, что я приступлю к работе через две недели, и то при условии, что с рукой к тому моменту будет все в порядке. Мне даже выдали аванс, сопровождаемый поднятыми к потолку глазами Кащеюшки, который на этот раз смилостивился промолчать. Обменялись телефонами и разошлись.

На время, конечно, только на время.

В следующие две недели я усердно подтягивала хвосты в институте – пока еще не теряла надежды на круглосуточное пребывание в доме Владимирова. С учебой, когда я всерьез брала быка за рога, у меня обычно никогда проблем не возникало. Помимо этого, шерстила по всему интернету в поисках хоть какой-то дополнительной информации, но не нашла ровным счетом ни одного упоминания ни об Ольге, ни об Антоне. Да и о самом Руслане материалы были довольно скудными – интервью содержали только общие сведения, практически ничего полезного, кроме того, что я уже знала – Руслан Владимиров был перспективен, талантлив и не по статусу скромен. Сейчас он занимается написанием третьей книги и ведет колонку на одном крупном новостном сайте, о переезде в столицу пока всерьез не задумывается. Конечно, не задумывается! У него ж тут эта... любовь всей жизни. Почему, кстати, не она, а друг его бессердечный живет у Руслана? Телефона Антона у меня не было – может, и к лучшему, а то бы я не удержалась и позвонила в своих безнадежных поисках

информации. К лучшему – потому что я не знала, как он на это отреагирует.

Но судьба подбросила мне шанс – и в этом я увидела очередной знак, что фатум на моей стороне. В тот день я шла из института. Мартовская погода была, мягко говоря, сногшибательной – солнце припекало уже вполне по-апрельски, но при этом не настолько жарило, чтобы заставить снять легкий плащ. Просто идеальное сочетание. Мое любимое время года, наравне с ранней осенью. Я бодро шагала вдоль дороги, настраиваясь на длительную прогулку, свободную от мыслей и переживаний, когда проехавшая рядом машина вдруг притормозила уже впереди, а потом сдала назад. Я в страхе отшатнулась от края обочины – непроверенные парни даже на дорогущих тачках меня не интересовали. Я ищу принца, а не приключений на пятую точку. Окно съехало вниз, открыв моему взору физиономию в солнцезащитных очках:

– Поварешка? Ты ли это? Садись, подвезу.

Я уже по причудливому причесону узнала Антона, тут же перекоординировалась, обошла машину и плюхнулась на переднее сиденье. Усмехнулась:

– Темные очки? Seriously?

Он сразу тронулся вперед, даже мельком не взглянув на меня.

– Ненавижу солнце. Вот просто ненавижу. Я б вообще только по ночам работал, лишь бы его не видеть.

– И почему я не удивлена? – усмехнулась. – Растаять боишься или очеловечиться?

– Куда ехать-то? – водитель явно не собирался углубляться в эту тему.

Я назвала район и улицу, где снимала квартиру.

– Далековато. Почему пешком?

Неужели ему и правда интересно?

– Погода хорошая. Солнечная! – ответила я, выделив последнее слово.

– Ну и лишнюю копейку сэкономить, – подсказал он продолжение. Я не стала спорить – мне как раз в эту тему не хотелось углубляться.

Решила использовать шанс хоть для чего-то, раз у негодня сегодня приступ человеколюбия:

– А ты где работаешь-то? Кем?

На этот раз он даже быстро взглянул на меня, будто удивляясь вопросу. Хотел вроде бы ответить, но сменил направление разговора:

– Давай так. Вопрос – ты, вопрос – я. Отвечаем честно, раз уж мы... эм-м-м... играем на одной стороне.

– С удовольствием! – с этим человеком можно быть честной при условии, что эта честность не будет противоречить доводам здравого смысла. – Начинай отвечать, я свой вопрос задала.

Он плавно обогнал машину впереди, потом прибавил газ.

– Не разочаровывай меня, блондинка. Я думал, ты уже все про Руслана разузнала.

Я и не собиралась его разочаровывать! Меня его мнение о собственной персоне вообще не особо заботило.

– А при чем тут это? Я узнала все, что можно было узнать. Про тебя ничего не нашла. Я ведь даже фамилию твою не знаю.

– Лалетин, – просто ответил он.

Быстро перебрала все килобайты полезной информации, хранящейся в памяти. Да, что-то знакомое. Очень-очень знакомое, пару раз упоминаемое рядом с...

– Ты его первый литературный агент! – вспомнила я.

– Почему первый? Единственный. И тот человек, который вообще его уговорил публиковаться. Я в Москве почти год проторчал, пока его раскачивал.

Вот оно что. Они не просто друзья, они заодно и партнеры. Этот пренеприятнейший господин – литературный агент моего принца, пробивший ему путь не только в российской прозе, но уже и зарубежной. Да, может, и не слишком творческая профессия, но тоже полезная. Я посмотрела в его профиль чуть внимательнее, чем делала прежде. Презентабельный, наглый, умный, циничный, пользующийся безусловным доверием самого автора, язык – как помело. Идеальный агент. Если не ошибаюсь, то ли ему, то ли его отцу принадлежит местное издательство с типографией, какие-то магазины и много чего еще. Но это я теперь смогу разузнать и без его помощи.

– Моя очередь? – Антон отвлек меня от мыслей. – Выходит, ты сразу поняла, кто такой Руслан Владимиров? Его-то фамилию ты, получается, знала.

Плохо, что он это понял, но сейчас пришлось кивнуть.

– И что? – продолжил он. – Прямо такая любовь с первого взгляда?

Это был уже второй вопрос, но тут ни к месту мелочные споры:

– Не с первого, – ответила я. Разубеждать его в том, что это именно «любовь», точно не стоило – пусть так и считает. Поэтому продолжила почти торжественно: – Узнала я его сразу, но только потом влюбилась, когда поняла, что он за человек.

Его моя вдохновленная интонация ничуть не впечатлила:

– Ясно. Куда теперь, направо?

Я обозначила маршрут. Была моя очередь для вопроса, но в тот момент я почему-то растерялась. Для конкретных уточнений пока было не время, поэтому можно разузнать об общих тенденциях:

– Как давно ты любишь эту Ольгу?

Он улыбнулся – так искренне... так непохоже на длительные душевные терзания.

– Очень давно – примерно столько же, сколько любит ее Руслан. Кажется, ты тратишь свои шансы что-то выведать попусту. Но моя очередь, – он задумался. Вот этот человек свои шансы попусту не тратил: – Как ты собралась переселиться к нему? Ведь ты же явно наострила на это лыжи!

Я даже рассмеялась тихо, сраженная его прямолинейностью.

– Поработаю немного, приворожу своим борщом, дам к себе привыкнуть... потом скажу, что выгоняют из съемной квартиры, – тут же переключилась на нашу игру: – Итак, мой вопрос – что он на это ответит?

– Предложит остаться у нас. Даже если борщом не приворожишь, предложит, – уверенно ответил мой «партнер». – Он действительно такой, ты в этом не просчиталась. И квартира огромная, не знаю, зачем он себе такую халупу захотел. Ненавидит жить один. Если бы не стал писателем, то точно бы открыл гостиницу – ну, знаешь, эдакий постоянный двор.

– Тогда я удивлена, почему он там еще не приютил всех бомжей с района!

Антон согласился:

– Я тоже. Но вообще-то Руслан хорошо разбирается в людях. Никак не могу понять, почему он тебя раскусить не может.

Решила проигнорировать выпад и поинтересовалась в довесок к теме:

– Ты поэтому живешь у него? Из-за того, что он не любит жить один?

– Поэтому. И не только. Я как-то не удосужился отдельным жильем обзавестись – а так нам обоим удобно. Формально-то я с родителями живу.

Ага. Значит, основные фонды Лалетинных принадлежат все-таки отцу, раз Антону не хватает денег на собственную квартиру. Плюс его присутствие явно не раздражает Руслана. Вот такой взаимовыгодный получился симбиоз.

– Почему Ольга не живет с ним? Ну, раз уж у них такая любвища.

Он свернул к моему дому и остановился у первого подъезда, решив, наверное, что до нужного я и сама дотопаю.

– Ты нарушаешь порядок. Это была моя очередь. Но отвечу, – он повернулся ко мне и посмотрел сквозь очки, поэтому глаз его я разглядеть не могла. – У нее очень строгие родители. Жить до свадьбы вместе не положено, жениться до окончания института не положено. Она сейчас на последнем курсе, так что, считай, у тебя в запасе всего несколько месяцев. Но они оба не напрягаются по этому поводу, принимают как должное. И без того знают, что всю оставшуюся жизнь вместе проведут. Ко всему остальному ее родители относятся весьма спокойно, так что не надейся, что у Руслана с Ольгой там платонические отношения.

Я удивилась:

– Ты так хорошо знаешь ее родителей?

– Стоп, стоп, не наглей! Ты свой лимит уже давно исчерпала, поэтому последний вопрос – мой.

Я согласилась – все справедливо. Антон смотрел теперь вперед, соображая. Наконец выдал:

– Ты и правда сломала себе руку специально, чтобы подобраться к нему?

Безоговорочно согласиться – и он посчитает меня психически больной. Объяснять, что шпана перестаралась – рассмеется. Лучше тут оставить честность в стороне:

– Чушь! Я не подстраивала то, что тогда произошло!

Он снова глянул на меня с широченной улыбкой, в которой не промелькнуло и капли веры. Зуб даю, ни на полпроцентика не поверил.

– На этом все. Больше от меня информации не жди – и даже не вздумай с этим ко мне обращаться. А сейчас выметайся. Что-то ты меня утомила. Как я тебя выносить-то буду потом ежедневно?

Я вышла из машины, но потом все же наклонилась к приоткрытому окну:

– Осталось четыре дня, – загробным голосом из колодца добавила напоследок и показала ему загипсованную руку с вытянутым средним пальцем.

И гордо продефилировала вперед.

Антон – не враг мне, но и точно не друг. Шаткий союзник, который в любой момент может закопать меня, не моргнув глазом. И я не знала, правильно ли поступила, откровенничая с ним. Этому типу людей доверять ни в коем случае нельзя, но с ними можно взаимодействовать некоторое время, если и они чувствуют свою выгоду. Да чего уж там – взаимодействовать с ним мне куда проще, чем с этими возвышенно-непонятными Каем и Гердой... тьфу, Русланом и Ольгой.

Глава 3. Принцесса Его Высочества

К условленной дате я готовилась. Нет, не морально – эту подготовку я успешно прошла уже давно. Теперь мне оставалось позаботиться только о фантике, за которым скрываюсь такая прекрасная я. Прикупила себе пару джинсов, покрасила волосы в очередной натуральный, почти прикончила все скудные свои сбережения. Зато к моменту долгожданной встречи была собою довольна. Но, как оказалось позже, никто в доме Владимирова по моей красотище, обществу и даже кулинарии еще не успел сильно истоскаться.

Сразу после приветственных церемоний я одарила Руслана двумя выверенными взмахами ресниц, но на них отреагировала зачем-то Ольга:

– Алина! А может, мы с тобой сегодня прогуляемся? По магазинам пройдемся, в кафе посидим... познакомимся поближе, – она внезапно стушевалась под моим

взглядом, отчего конец фразы прозвучал почти неразборчиво.

Поверхностный осмотр выражений лиц Руслана и его благоверной показал, что они это заранее между собой обсуждали. Наверное, это был их способ упростить мне адаптацию. Стоит заметить, совершенно ни к месту. Но я покорно вдохнула, еще покорнее выдохнула и, конечно, согласилась на этот незапланированный дамский променад. Сам Руслан в этот день намеревался заняться какими-то делами, поэтому сделал вид, что только рад нашим «внезапным планам».

И хоть город наш назвать огромным невозможно, но магазинов, бутиков и торговых центров в нем чуть больше, чем достаточно. Погода выдалась гулятельной, хотя поначалу наша прогулка напоминала бесцельные метания от одной точки к другой с сопутствующим нервным напряжением от того, что разговаривать с почти незнакомым человеком не о чем. Ольга всеми силами старалась его не замечать и даже начала что-то покупать, советуясь с моим мнением, тем самым стараясь воссоздать полную атмосферу непринужденного шопинга.

Но уже во шестом бутике план начал выстраиваться. О, я из тех, кто любую карту способен превратить в козырь! Сейчас моя милая Оленька купит себе еще пару черных кофточек и старушечьих юбочек, а там я ее подхвачу под белы ручки, дабы отправиться куда-нибудь подальше от цивилизованного общества, поближе к мужскому вниманию. Авось наш ангелочек расслабится, разговорится и – а чем черт не шутит? – подзабудет про своего Русланчика, а свидетель ее небольшого грехопадения в моем лице уж точно не помешает.

Она на мое предложение где-нибудь посидеть отозвалась с радостью – видимо, в порученную ей миссию входило мое полное и абсолютное привыкание к ней. Но едва мы оказались в шумном зале бара, сразу умолкла. Это, кстати, была хорошая новость, потому что ее полуторачасовой восторженный монолог об отделении архитектуры, на котором она училась, я больше не могла выносить физически. На фоне сравнения даже вспылала страстью к своему родному институту, где, как выяснилось, водились вполне нормальные люди, а не вот эти вот... городские дизайнеры.

Мы зашли в затемненное помещение совсем недорогого, но на мой вкус, довольно приличного бара и заняли один из свободных столиков у стены. Ольге обстановка или слишком сильный шум не понравились – и она не смогла этого скрыть, как ни старалась; но героически заставила себя улыбнуться, занять

место и даже заказала себе бокал вина и какой-то съедобный шпингалет. Да я и не особо рассчитывала на то, что она тут же наляжет на чистый спирт, хотя этим она бы здорово упростила мне задачу. Но ставку я изначально делала не на нее, а на мужское внимание, которое не заставит себя долго ждать. В такие места многие приходят и пообщаться, и повеселиться, и «поближе познакомиться», если подфартит. Уверена, что мы с ней способны произвести должный эффект. И хоть Ольга, на мой вкус, тут первой красавицей и не была, потому что это место прочно закреплено за мной, но все же и излишним уродством, к сожалению, не отличалась. Когда она сильно увлекалась, то ее глаза светились, привлекая к себе внимание. Девушка из богатой семьи – таких я за версту чую. От них даже при скромной внешности несет породистостью. Но при этом она не проявляла и толики высокомерия или хотя бы показательной самоуверенности, что обычно идет только на пользу всему образу.

Я профессионально изображала интерес к любому разговору, какой бы она ни завела. Ольга заметно расслабилась и перестала выдавать нервозность. У меня возникло ощущение, что собеседница моя вообще не отличается излишней общительностью, но тут прямо из кожи вон лезет, чтобы расположить меня к себе. Я уж было подумала, что Руслан ее держит на привязи в подвале в свободное от их возвышенной любви время, но потом пришлось убедиться в том, что она, скорее всего, сама себя там и держит.

Через полчаса пустых посиделок к нашему столику наконец-то подошел мужчина приятной наружности. На мой притязательный вкус – вполне себе солидный и серьезный. Он вежливо поздоровался и предложил угостить нас чем-нибудь. И даже фразу закончить не успел, как отшатнулся от почти визгливого Ольгиного:

– Не-е-ет! Ничего нам не надо! Подите вон!

Даже меня такая эмоциональная реакция ошарашила, но мужчина попытался до последнего сохранить лицо и даже извинился перед тем, как уйти. Я едва не присвистнула, глядя в его удаляющуюся спину. Да моя новая знакомая такой интонацией способна любому мужчине либидо в пол провалить! Ну и что же прикажете делать в таких условиях?

Сама же Ольга как ни в чем не бывало тут же вернулась к своему привычному мягкому тону, рассказывая о том, с каким трепетом читала первую рукопись Руслана.

– Я, это... – пришлось ее перебить, потому что я уже не могла контролировать раздражение, – пойду, носик попудрю.

Она тут же округлила свои невинные глазенки:

– Ты только недолго!

Возможно, Антон и не преувеличивал. Я видела, как вел себя Руслан в баре, где работала, а теперь убедилась, что Ольга его даже превосходит в этом плане. Мне удалось уговорить ее на «еще по бокальчику», но было уже понятно, что даже бочонок ирландского пива ее с мертвой точки сдвинуть не способен. Только орать станет еще звонче свое: «Подите вон!».

Парень, проходивший мимо, окликнул:

– Девушка! Мы с другом сидим. Скучно. Вы же вроде бы тоже вдвоем...

– Нет, спасибо.

Вот так это делается, милая Оленька. И даже не надо на себе рвать волосы и вопить на ползала! Но сделав еще пару шагов, я замерла и оглянулась. Парень тоже остановился, уловив мое движение. Совсем молодой – по виду мой ровесник. Не особо красивый, совсем не импозантный, но обладающий приятной улыбкой. А может, я напрасно сделала ставку на солидность, предположив, что Ольге может понравиться только мужчина Русланова типажа? Ведь все они в сравнении с ним проигрывают! Вполне возможно, что простой и милый парень как раз и не станет в ее голове конкурентом для жениха. И поэтому у него будет шанс.

– А знаете, – я быстро сориентировалась, – нам тоже скучно! Да вот только у меня подруга очень стеснительная...

Он улыбнулся еще шире и снова шагнул ко мне, ожидая, что я сама предложу выход из этой непростой ситуации. Ну и я поспешила оправдать ожидания:

– Я могу вас представить, как своих старых друзей? Ну, чтобы...

Мы буквально за минуту обговорили пару мелких деталей и познакомились. После чего мой «старый друг» отправился предупредить своего приятеля, а я успевала подготовить Ольгу:

– Слушай, так неожиданно со знакомыми своими столкнулась! Ты не против, если они к нам подсядут, а то мне как-то неудобно им отказывать...

Оля активно замахала руками – все-таки даже незначительное количество вина свою задачу выполняло:

– Конечно-конечно! Алина, ну чего ж ты спрашиваешь? Твои друзья – мои друзья!

Да что вы говорите... Она на самом деле настолько простодушно пытается наладить со мной контакт или просто блаженная? Ладно, будем пользоваться добротой, раз сами предлагаете.

Но когда мой знакомый привел за наш столик своего друга, то я вмиг пожалела о своем поспешном решении. Тот был в умат... Да он едва держался на ногах, пытаюсь сфокусировать на нас взгляд. Но метаться было уже поздно, поэтому я и с ним поздоровалась, назвав по уже известному имени. На наш столик приземлился и графин с клюквенной водкой. М-да, и как же я так сильно просчиталась? Парень, с которым я познакомилась в коридоре, сразу подсел поближе ко мне – и пришлось признать, что ничего в его виде не выдавало степени запущенности ситуации. Друг же его присоседился к Ольге, но, к счастью, говорил настолько невнятно, что можно было не беспокоиться за раскрытие военной тайны. Сама она заметно сосредоточилась, поджалась и производила впечатление бегуна на старте – будто любое движение или резкий звук может заставить ее рвануть вперед. Или назад. В любом случае, отсюда. Немного успокоилась, когда перепивший парень потерял к нам интерес и принялся поглощать салат, едва управляясь с вилок. Если повезет, то сразу после салата он просто вырубится.

А Саша и в самом деле оказался неплохим парнем – он заметно разбавлял всеобщее напряжение, часто шутил, хоть иногда и пошло, но это как-то терялось за простой манерой его речи, задавал Ольге вопросы и отвечивал нам обоим комплименты. В общем, всеми силами пытался произвести впечатление на меня. А мне-то до него и дела не было! Но зато с его подачи хоть какой-то разговор с участием Ольги заклеился. Друг его внезапно востепенел, обхватил

ее рукой за плечо и смачно чмокнул в щеку. Она скривилась так, словно ее вот-вот стошнит, но, надо отдать ей должное, даже после этого не стартанула из нашей милой компании. Да что ж это получается? Она и в самом деле это все терпит ради меня?

Почему-то эта мысль сразу же испортила мне настроение. Выдержав еще какое-то время, я заявила, что нам пора домой, на что получила взгляд, полный благодарности, от девушки и пару недовольных возгласов от парней. Они, к облегчению, за нами не последовали и конспирацию мою раскрывать не стали.

– Ой, как же здорово мы провели время! – щебетала Ольга уже на улице. – Алина, какие интересные у тебя друзья! Жаль, что вам даже не удалось нормально пообщаться, потому что они старались уделять внимание и мне, чтобы я не чувствовала себя лишней...

Я уставилась на нее в недоумении. Неужто она не притворяется? Она, как Будда, что ли, росла в полной изоляции от живых людей? Во мне вскипала необоснованная злость, захотелось стереть с ее лица эту возвышенную эйфорию:

– Да они же просто придурки!

Она немного опешила:

– Ну... ты их знаешь лучше... Конечно, я за такое короткое время не могла...

– Оль, – я перебила решительно, уже не желая подавлять в себе раздражение. Мне захотелось его вылить, но в конструктивное русло, поэтому я сменила тему: – Я же работала барменом, ты знаешь. И твой Руслан там бывал довольно часто! А ты, судя по всему, в это время дома сидела!

Она отмахнулась со смехом:

– Да я просто не люблю такие места! – и тут же быстро добавила: – Но если ты любишь, то я всегда готова составить тебе компанию!

Аж ударить захотелось.

– Оля, я о другом. Тебе не кажется, что это нечестно? Руслан гуляет, как и где хочет, а ты...

– Да он же с Антошей гуляет! – она, видимо, и правда не улавливала мою мысль. – Что в этом плохого? А я... – она снова подняла мечтательный взгляд в небо, – рисовать очень люблю! Только ты не думай, что у меня это хорошо выходит! Я просто люблю... И они оба это знают, поэтому и дают мне возможность остаться на вечерок наедине с мольбертом.

Все! Рассудок приказал долго жить. Она не собиралась ни ревновать Руслана, ни злиться, а готова была только испытывать бесконечную благодарность. Ко всем! Даже ко мне за «здорово проведенное время». К сожалению, я не разбираюсь в психологии настолько, чтобы точно вспомнить название этой болезни – а она непременно должна как-то называться. Это ж совсем ненормально!

Я была рада наконец-то распрощаться с ней – словно балласт с души скинула. Со мной, любимой, наедине и думается лучше. Через Ольгу испортить их отношения невозможно. Значит, возвращаемся к предыдущей стратегии – мужики, к счастью, чаще всего думают иным местом, а не нимбом, как некоторые. Завтра я приступаю к своей новой работе! От этой мысли и настроение вернулось на прежний уровень.

Глава 4. Придворный кулинар Его Высочества

В работу я втянулась моментально, по большей части, благодаря специфично-дружественной атмосфере, царившей в доме Владимирова. Со мной приветливо общались и даже не спешили выдвигать каких-то требований, которые просто обязан выдвигать любой работодатель. На самом деле, я была в состоянии готовить и более сложные блюда, но при обсуждении меню Руслан с Олей несколько раз подчеркнули, что чем «домашнее», тем лучше. Самого принца ресторанные изыски уже порядком утомили за несколько лет общепитовской жизни. Спорить не стала – мне же проще. Я не слишком-то была готова к широченному ассортименту, но тут мама может подсобить – она, как никто другой, способна создать шедевр из ничего. А уж с такими-то продуктами мы с ней развернемся.

Приезжала я к ним обычно часа в четыре, готовила ужин, а потом, по безоговорочному настоянию самого Руслана, садилась и с ними за стол.

Наверное, он совсем не хотел, чтобы я чувствовала себя прислугой – это мне только на руку. По этой же причине я и не стала поднимать вопрос, что могла бы подменить и приходящую дважды в неделю домработницу. В конце концов, я в этот дом явилась, в первую очередь, не на заработки! Хотя соблазн просто подзаработать периодически и возникал.

Если квартира на первый взгляд впечатляла, то на второй – обескураживала. Халупа, как выразился Антон, включала в себя гостиную, кухню и целых шесть комнат, каждая из которых была немаленьких размеров. Оказалось, что дизайном общего помещения занималась сама Ольга, а личные спальни каждый оформлял по своему вкусу. Незаселенная часть комнат тоже была отремонтирована, но никакими изысками не отличалась. Это и в самом деле напоминало гостиницу, да вот только без посетителей. Я не могла себе вообразить ни одного стоящего объяснения, почему Руслан так тяготеет к огромным пространствам – если он только не пытался искусственно создать фронт работ для уборщицы. Когда никого не было, я любила ходить по всей квартире и заглядывать в комнаты, воображая себе, как все бы тут обустроила, если бы такое имущество принадлежало Нашему Величеству. Иногда даже приходилось себе напоминать, что должность моя пока в этом замке отнюдь не самая завидная.

Готовила я два блюда – суп и второе, раз до ужина они чаще перебивались перекусами. Иногда и пекла какие-нибудь булочки-пирожки. Оля пыталась мне несколько раз составить компанию в этом деле, чтобы и самой хоть чему-то научиться, но я ее жестоко прогоняла с кухни. Чем больше я ее узнавала, тем сильнее меня выворачивало наизнанку. Я уже успела убедиться в том, что Антон совершенно верно описывал ее «святошность». Она часто рассказывала о своих однокурсниках, об институте и о другом – и ни разу за все время не отозвалась о ком-то плохо. Разве так бывает? Она даже про старух в местной поликлинике нашла, что приятного сказать. Невыносимая до чертиков. Мое к ней равнодушие она словно и не замечала, бесконечно и очень искренне интересуясь всеми моими делами. Я старалась отвечать как можно менее развернуто – очень не хотелось, чтобы она хорошо меня изучила.

Кулинарные мои способности они нахваливали стройным дуэтом. Только Антон демонстративно ковырялся вилкой и с показушным удивлением разглядывал каждую макаронину, будто впервые в жизни видел нечто подобное. Думаю, ему не нравилось, что я так успешно продвигаюсь в своем закреплении в этом доме, но он, как и обещал, прямо мне не мешал.

– Недосолено! – в очередной раз заявил он. – Предлагаю вычитать из зарплаты шеф-повара штрафные.

Оля улыбнулась ему с нежностью и молча пододвинула солонку.

– Все просто замечательно! – тут же обратился ко мне Руслан. – Я каждый день радуюсь, как мы удачно с тобой познакомились. Вот же какому-то парню повезет с такой женой!

Ну да. И этот везучий парень сидит как раз напротив – ему-то я и улыбаюсь сейчас благодарно.

– Повезет так повезет, – и тут вставил Антон свое гнусавое замечание. – Я только не знаю ни одного мужика, который даже сквозь недосоленный рассольник не способен разглядеть твой шнобель.

Да что он прикопался-то к моему носу? Я так скоро комплексовать начну – может, чудище болотное именно этого и добивается? Он опередил мой эмоциональный всплеск:

– Но пирожки и правда удались. Еще бы с мясом...

Остальные к Антону относились с необоснованным пониманием, а останавливали, только если уж он совсем перегибал – да и то, так мягко, чуть ли не расцеловывая в обе щеки. Возможно, до моего прихода в этот дом он доводил их, поэтому они и не находили в этом ничего особенного. И я тоже решила не поддаваться на провокации. А потом снова пришлось отвечать на вопросы Оли о том, не мешает ли моя подработка учебе, поеду ли я летом к маме в поселок и другой чепухе.

Продукты я покупала сама – для этого Руслан выделял мне отдельные средства. Но я всегда оставляла чеки, чтобы меня не заподозрили в халатном отношении к расходованию казны. Работал он чаще всего дома, в своей комнате – писал колонку для сайта или собирал какие-то материалы для книги. Мне полагалось не отвлекать его, поэтому, открыв квартиру своим ключом, я просто заглядывала к нему, чтобы поздороваться, и шествовала на свою территорию возле плиты. Ближе к шести часам всегда приезжали Антон с Ольгой – он где-то ее подхватывал, а у нее быстро вошло в привычку ужинать тут.

В тот день никого дома не оказалось – такое тоже случалось нередко. Сгрузила пакеты на стол и на всякий случай заглянула к Руслану – действительно, никого. Я любила бывать с ним в квартире наедине, пусть он и оставался в своей комнате, а я – на кухне. Это были периоды предвкушения чуда – как будто вот-вот что-то может произойти... но так и не происходило. Ничего, зато смогу вдоволь наболтаться с мамой – теперь я вполне могла оплачивать телефонные разговоры с ней до бесконечности, что нам обеим шло только на пользу.

Включила динамик, чтобы не отвлекаться от дел. Готовка меня всегда успокаивала – думаю, в этом даже было некое мое призвание, но, превратившись в ежедневную рутину, она теперь нередко и тоску нагоняла.

– Так, мам, сколько тушить?

– Минут сорок. Только огонь убавь, – она тоже уже привыкла к таким разговорам. – Грецкий орех купила?

– Ага.

– Слушай, доча, я такой рецепт интересный нашла для салата! Там шампиньоны нужны, – мама всегда пребывала в режиме «неотложная помощь».

– Скинешь потом смс-кой, – ответила я, нарезая зелень. – Ну так что ты там начала про тетю Дашу?

– Так говорю, она сегодня опять у меня ночевала. Генка ее в запое, а ты же знаешь – он буйный. Ну вот она ко мне с ночевками и приходит. Так он сегодня полночи пьяный у нас под окнами орал, кое-как уgomонился.

– Бросила бы она его уже, что ли, – эта затянувшаяся эпопея между тетей Дашей и ее муженьком достала уже не только меня, но и весь поселок.

– Не бросит, – мама вздохнула, но говорила уверенно. – Он трезвый-то – прекрасный мужик. И не пьет иногда по полгода, и руки откуда надо растут. Зато как сорвется – пиши пропало на полмесяца.

– Свекла какая-то огромная, боюсь, не проварится, – я приоткрыла крышку и снова подлила в кастрюлю воды.

– Подержи еще минут пятнадцать, а потом под ледяную воду, – мама зевнула. Устала, наверное, она работает с раннего утра и до обеда – в овощном на полставки. В поселке попросту нет хорошей работы для всех. – Анютку, твою одноклассницу, встретила сегодня. Говорит, что разводятся они уже.

Анютка с Никитой сразу после школы поженились, любовь у них была – как в романах. И гляди-ка – разводятся, даже двух лет не протянув... срок годности любой любви. Хорошо, хоть дитём не успели обзавестись. Молодцы, по-моему, что вовремя одумались. Вслух ничего говорить не стала – мама и без того знает о моем отношении к таким любовным романам, где, кроме скоропортящихся чувств, семью и скрепить-то нечем. Она сама продолжала, переключившись на новую тему:

– Я тебе деньги перевела, купишь себе там что-нибудь на день рождения.

– Мамань, – почти строго отреагировала я. – Я же сказала – не надо! Мне тут платят хорошо, и стипендия повышенная!

– Да ладно, – я незримо ощутила, как она лениво отмахивается. – Уже перевела. И это... Алин, отец твой приезжал.

Я застыла с ножом в руке.

– Зачем? – получилось сдавленно. Это нахлынувшая злость перетянула голосовые связки. Папашу мы не видели уже несколько лет – он давно переехал со своей новой семьей из поселка, я даже не интересовалась, куда именно.

Но мама смеялась:

– Представляешь, денег принес! Две тысячи. Говорит, мол, дочери на подарок передай.

Ого! Две тысячи за пять лет! Благодарна до дрожи в коленках – надо не забыть ему отбить телеграмму, омытую слезами умиления.

– А ты что? – я взяла себя в руки и продолжила нарезать морковь кружочками.

– А я ему веником в морду! – она смеялась искренне.

– Молодца! Зена – королева воинов! – похвалила я родительницу.

Но она продолжила уже более спокойным тоном:

– Алин, он плохо выглядит. Уж не знаю, заболел ли или дома у него нелады, я не спрашивала.

– Ну и х... хрен с ним, – отрезала я.

– Да, наверное... Но все-таки не чужой же человек, – мама почему-то вздохнула. Потом собралась и завела свою обычную волюнку: – Алин, ох, не нравится мне вся твоя затея...

Разговор у нас этот повторялся в разных вариациях чуть ли не ежедневно все последние дни:

– Все хорошо будет, мам. В крайнем случае, просто денег заработаю – все тебе полегче.

Она словно ожила, припомнив:

– А я ведь нашла книгу этого твоего Владимирова! Две ночи почти не спала, читала. Просто невероятно! Мне даже не верится, что ты лично знакома с таким глубоким человеком... Я вообще не представляла, что современные прозаики способны так писать! Когда тебя увольнять будут, попросишь для меня автограф? И вторую книгу мне пришли, в интернете нигде не скачать, а у нас не продают... Поверить не могу, что он так молод!

– Ну вот, а я тебе о чем говорю! – моя мама была заядлой читательницей, а я вот книгу своего будущего мужа так и не осилила. – И красавчик еще!

Она рассмеялась тихо:

– Внешность – это дело вкуса. По мне, так обычный. Приятный, конечно, но ничего особенного, судя по фотографиям.

– Ну ты даешь! – возмутилась я. – Лицо-то какое мужественное – скулятник там, все дела. И глаза голубые! Чего еще тебе надо?

– Это да, – примирительно согласилась она. – И чем больше ты рассказываешь о его характере, тем больше мне не нравится твоя идея. Человек, похоже, очень хороший – таких сейчас днем с огнем... Сразу видно – творческий, мудрый, великодушный. Как тебе хватает совести влезать в его отношения с невестой, если у них все так ладненько?

– Совесть придумали для тех, кого не получилось обуздать религией, мам. И все верно, он именно такой! – подписалась я под ее характеристикой. – Вот я и составлю этой прелести лучшую партию. А не эта... крыса черноволосая.

– Доча! – осекла меня мама. – Откуда такая поверхностность? На тебя совсем не похоже. Крыса – это очень грубо и субъективно! А объективно?

Я призадумалась, но быстро нашла ответ:

– А объективно... они вообще друг другу не подходят. Потому что слишком похожи! То ли буддисты, то ли идеалисты – и еще неизвестно, что хуже. Можно, конечно, и о высоких материях трепаться и ближних возлюбить, но кто-то в семье должен знать, где находится ЖЭУ и как пожарить картошку. Да уметь с сантехником в случае необходимости поругаться, – моя собеседница хмыкнула, видимо, соглашаясь с этим аргументом. – И Руслан это сам понимает. Думаю, потому-то он и держится так усердно за своего друга. Тот у них... вроде как привязки к реальной жизни, единственный тут возглас рациональности.

– Не знаю, права ты или нет... – она еще и сомневалась! – Про свеклу не забыла? А как друга-то зовут?

Я фыркнула, переставляя кастрюлю в раковину:

– Имя этого-то козлодея тебе зачем? Познакомлю, если он будет свидетелем на нашей свадьбе, а пока не забивай свой системник ненужной инфой.

– Плохой человек? – уточнила мама.

– Смотря с кем сравнивать, – пожала плечами, будто она могла это видеть. – Если с самим Русланом, то просто черт из табакерки. Эти двое ангелочков его терпят только потому, что... ну я уже раньше объяснила. Он продает талант Владимирова задорого и совершенно беспринципно, без него ничего бы этого и не было. Наш буддист-идеалист сейчас сидел бы на попе инженером, скидывая свои шедевры в стол... в лучшем случае! Но сам друг тоже неплохо нажился, думаю. Так что он пузо рвал не из чистого милосердия. И не просто так продолжает крутиться рядом – Руслан его еще озолотит, а этот своего не упустит.

– Ох, Алин, как же мне не нравится твоя затея...

Теперь я уже не сдержалась, завопив совсем по-детски:

– Ну ма-ам!

– Доча, – она почему-то вознамерилась настаивать более решительно. – Если это все из-за меня, то напрасно! Думай только о своих интересах! А я... совершенно, абсолютно счастлива! Помнишь же – если что-то не так с миром, то проблема в тебе, а не в мире.

– Как же, помню, – я ответила, но голос сбился. – Оправдание для тех, у кого больше ничего нет, кроме овощей до обеда и рева соседского алкоголика по ночам. Я вытащу тебя оттуда!

– Глупости, доченька, я же счастлива!

Я откинула нож в сторону и сжала кулаки до боли. Она счастлива! Моей матери всего лишь сорок, а она уже заживо похоронена под этой грудой сплетен про Анютку, Никиту, тетю Дашу и ее буйного муженька. Всего лишь сорок, а она считает себя старухой, которой осталось дожить отведенное. Счастлива она, как же! Да она же прорыдала, поди, всю ночь после последнего визита папаши, счастливица моя. Да она же звонка моего ждет, как единственного значимого события за весь день! Потому что ничего больше, ничего у нее не осталось важного. Даже книг себе купить не может, сколько хочется, я уж не говорю, что никаких театров или выставок в поселке нет, а по ним душа ее возвышенная

тоскливо воет по ночам. Она ничего из своих бед не заслужила – все ее грехи были только по наивности молодости, так сколько же можно за них расплачиваться? Мама что-то еще говорила спокойным голосом, пытаюсь меня убедить, но я не могла отвечать. Вытерла глаза, подняла лицо к потолку, проморгалась, но слезы почему-то снова застилали глаза. Так, надо собраться, у меня еще есть работа, скоро уже все приедут. Я спонтанно повернулась в сторону дверного проема.

– Мам, я перезвоню, – отключила вызов.

Закрыла глаза, набрала полные легкие воздуха, выдохнула через почти плотно сжатые губы, открыла глаза. Ничего не изменилось – он так и стоит в проеме, облокотившись плечом, руки скрещены на груди. Антона никогда не бывало дома днем, я поэтому даже и не подумала заглянуть в его комнату.

Он подошел, не отрывая взгляд от моего, подхватил с разделочной доски морковный кружочек и закинул в рот. А потом развернулся и так же молча ушел.

Промотала в памяти все, что он мог услышать. Говорили об отце, о Руслане, но, к счастью, ни слова о том, что никакой любви у меня к тому нет, о нем самом – но ничего такого, чего он сам о себе не знает, много пустого... так, вроде бы ничего экстремального он узнать из этого разговора не мог. Какие-то подробности личной жизни и мои слезы... Нет, катастрофы я не увидела, но впредь надо быть внимательней.

Ни за ужином, ни после он даже не намекнул на это происшествие. Видимо, посчитал, что событие это не заслуживает упоминаний. Вот и правильно.

Глава 5. Творческий процесс Его Высочества

Мое дело никуда дальше не двигалось, и сейчас я даже сомневалась, что переселение в квартиру принца мне чем-то поможет. Оля была неуязвима – в глазах Руслана, Антона, а теперь и в моих собственных. Никаких романтических отношений между мной и моей целью не подразумевалось вовсе – не помогали ни обтягивающие майки, ни волосы в хвост наверх, ни томные взгляды. Уверена, что если бы я заявила в купальнике или вообще нагишом – он бы этого и не заметил.

Мне срочно требовалась помощь, дельный совет, но с единственным возможным помощником отношения тоже как-то не заладились: теперь они свелись к сплошному сарказму с его стороны и игнорированию этого самого сарказма – с моей. Даже повода заговорить о насущных проблемах не случилось. Не мешал и не помогал – все, как и было обещано. Я вот только его мотивы до конца понять не могла – если он на самом деле так давно влюблен в эту Ольгу, так почему же ровным счетом ничего не предпринимает? Неужели понятие «дружба» для него стоит настолько выше собственных интересов?

Когда вошла в квартиру и увидела Антона на кухне, удивилась. Сегодня же не выходной, с чего вдруг он снова дома?

– Ноги со стола убери, – поздоровалась я, выгружая продукты из пакета.

Он, как ни странно, молча повиновался. Присмотрелась – физиономия его, и по сей день постоянно чем-то недовольная, сегодня была более угрюмой, чем обычно.

– Ты чего? Случилось что? – меня не особенно занимали его проблемы, но они могли косвенно касаться моих интересов.

– Да нет, – он выглядел заметно уставшим или даже изможденным. – Творческий процесс начался.

Я не поняла его ответа, но он не дал мне возможности переспросить: встал, подошел к окну, открыл форточку. На подоконнике уже стояла переполненная пепельница. Подкурил. Антон курил нечасто – и всегда выходил на балкон. Похоже, сегодня действительно что-то шло не так, поэтому я решила задать вопрос ему в спину:

– Что это значит?

Он глянул на меня через плечо:

– Сама увидишь. И да, приготовь что-нибудь такое, что можно есть не глядя.

У меня даже огурец из руки вывалился – то ли от удивления, то ли от наглости собеседника.

– Чего?

Антон впечатал только подкуренную сигарету в пепельницу, повернулся и вся его усталость куда-то пропала, а в тоне голоса теперь звучала привычная интонация:

– А я секу «чего»?! Рулетики какие-нибудь! Шанюшки! Чипсы! – нет, он был не просто уставшим – озлобленно-раздраженным. – Ты у нас поварешка, ты и придумывай!

Я непонимающе оглядела продукты, пытаюсь сообразить, должна ли выполнять нервные распоряжения не непосредственного начальства. Но, к счастью моему, в кухню зашел и сам Руслан. Я облегченно выдохнула, а потом пригляделась – если Антон выглядел неважно, то принц мой вообще был неузнаваем: короткие светлые волосы торчали вверх – каждая волосинка, рубашка расстегнута совсем, вид потрепанный, как у дяди Гены после двухнедельного запоя. Он оглядел пространство вокруг рассеянным взглядом и даже вздрогнул, когда в поле его зрения попала я.

– О, Алина! Здравствуйте! – он шагнул ко мне и дважды хлопнул по плечу, приветствуя. Я от неожиданности отшатнулась. – Очень, знаете ли, рад! Будьте любезны, приготовьте сегодня что-нибудь, что можно есть не глядя. И, умоляю, не шумите так!

– У тебя в комнате звукоизоляция! – вставил Антон с таким отчаяньем, словно повторял это уже не в первый раз.

Руслан посмотрел на него с изумлением, как будто не понимал, что этот незнакомец делает в его квартире. Даже не оценил мою отвисшую челюсть, развернулся и снова уплыл к себе. На «вы» он меня до сего дня ни разу не называл... Кажется, этот был тот знаменательный день, когда я увидела Руслана Владимировича по-настоящему пьяным. Бухим. Вдрабадан.

– Это что сейчас было? – я ошарашено смотрела на его друга, который уже снова усаживался за стол. Хотел закинуть ноги наверх, но видимо, вспомнил, что

теперь нельзя.

– Сказал же – творческий процесс, – наконец-то снизошел тот до пояснений. – Вдохновение у него. Пишет. Днем и ночью. Сейчас к нему вообще не лезь. И не обращай внимания, если скажет что-то не то.

Я покачала головой, удивленная. Ну, рулетики так рулетики – где-то в морозилке оставалась куриная грудка. Похоже, именно так выглядят гениальные писатели, когда пилят очередной шедевр – до осуждения или насмешек я опускаться не собиралась. Где-то даже читала про одного художника, который в такие моменты впадал в полный аутизм. Надо просто изучить правила поведения в эти периоды – пригодится на будущее.

– И надолго это? – я кивнула в сторону дверного проема, обозначая собеседнику, о чем я.

Антон зевнул, даже не прикрывая ладонью рот.

– По-разному. Пара дней, неделя, может, две. Его только кормить надо и не тревожить, вообще. Две недели – это было бы отлично, он бы тогда, наверное, третью книгу закончил...

Он, как обычно, любой процесс переводил в бизнес. Но ему и по должности положено. После этого Антон молча ушел в свою комнату и вернулся, только когда ужин был готов.

– Так, давай на тарелку. Не горячее? Я отнесу, – вид у него был такой, будто на эшафот собирался.

– Давай я отнесу, – предложила без сомнений. Не будущей ли жене носить писателю его куриные рулетики?

Он слишком поспешно, не успев скрыть радость, вернул мне тарелку. Я решила, что это его новый способ насмешки надо мной, но как оказалось после, ошиблась.

Открыла дверь – Руслан сидел за компьютером и печатал что-то со скоростью пулемета. По всей комнате были разбросаны раскрытые книги, одеяло разобранной постели валялось рядом с кроватью. Подошла, стараясь не издавать ни звука и ни на что не наступить, поставила тарелку на свободное место на столе. Она соприкоснулась с деревянной поверхностью с глухим стуком. Руслан от этого тихого звука вздрогнул, будто я ему в ухо Гимн Советского Союза проорала, замер, повернул ко мне голову и посмотрел с самой настоящей ненавистью.

– Я многого прошу, а?! – это даже был не его голос. Попыталась отрицательно помотать головой как можно усерднее. Но его это, видимо, не устроило. – Я что, многого прошу? Почему вы меня постоянно дергаете? Муха эта... откуда тут муха?! Она меня с ума сводит! – я никакой мухи не видела, но замерла, стараясь не делать резких движений. – А ты зачем пришла? Стоять тут и... дышать?!

– У-у-ужин, – я выдавила это каким-то писком.

Тон его голоса совершенно неожиданно изменился:

– Ужин? О, Алиночка, спасибо-спасибо, очень рад, давно хотел перекусить, – ответил он и снова повернулся к компьютеру.

Меня же из драконьей пещеры как ветром сдуло. Антон на кухне даже не ржал, чего я могла бы ожидать. Похоже, он в эти «творческие» периоды прохватывает по полной – не до смеха, даже надо мной.

– И что, всегда так? – я спросила почему-то шепотом. Звукоизоляция меня теперь не успокаивала.

– Да нет, по-разному. Это только первый день, на второй-третий он перестанет разговаривать – там уже проще. Он почему-то только на Олю не реагирует. Она у него там даже несколько часов иногда может сидеть. Или лежать. Или чем они там занимаются. Но выходит всегда целая, невредимая и даже не зашуганная.

Он встал, достал с полки две тарелки и начал накладывать в них приготовленный мною ужин. Одну поставил передо мной. Да уж, это поведение о многом говорило – сейчас ему явно не до сарказма и разговоров. Я кивнула, принимая обозначенные негласно правила перемирия, взяла вилку.

– Там муха у него, – решила оповестить я и литературного агента о стихийном бедствии.

Он грустно усмехнулся, не отрывая взгляда от еды:

– О мухе я узнал сегодня в четыре тридцать семь утра, но не нашел там ни одной. Пусть Оля завтра... Она завтра на целый день приедет, – он поднял на меня задумчивый взгляд. – Можешь и ты завтра приехать пораньше? Руслан сейчас вредный, ничего толком не ест, даже вспоминал тебя сегодня добрым словом, когда я ему пиццу из кафе притащил... Возмущался оглушительно, матерно, за что он тебе такие деньги платит, раз ему приходится есть хомячье дерьмо на тесте.

Пропустить один день в институте – не проблема. Я кивнула. Вечером проконсультируюсь с маманей по поводу того, что еще такого можно сварганить, чтобы «есть не глядя».

По дороге домой я обдумывала узнанное. Меня совершенно не смутили эти бзики нашего писателя – насколько я понимаю, что-то вроде того бывает у многих. И чем талантливее, тем, наверное, запущеннее. К тому же, это только короткие периоды. Но неприятно удивил тот факт, что единственным успокоительным для него является только Оля. Ну и как же пробиваться в такой обстановке?

Идея озарила настолько внезапно, что я даже застыла на ходу. Мое дело так и не сдвинется с мертвой точки, если мне не поможет Антон! Если завтра там будет Ольга, то у него останется больше сил на разговоры, но он вряд ли добровольно захочет разговаривать. Развернулась и пошлепала обратно, к тому бару, где работала.

Максим Анатольевич очень долго сопротивлялся и делал вид, что не понимает, о чем я спрашиваю. Но наконец-то смилостивился и дал адресок. Я купила маленький пакетик порошка, объяснив пацану после кодового вопроса «Есть че?», что мне нужно что-то безвредное, но расслабляющее. Сервис пацан этот предоставлял на высшем уровне, то есть еще и рекомендаций подкинул – якобы, если просто расслабиться, то с алкоголем и другими препаратами лучше не мешать. Оказалось, что граммовый пакетик стоит половину моей новой зарплаты – а это, поверьте, совсем немало.

Будем расслабляться, Антон, а потом, может быть, получится и поговорить по душам.

Пришла утром в квартиру Владимирова, приготовила завтрак. Оля была уже там – счастливая, как обычно. Может, она тоже у того пацана затаривается? А иначе ее вечно приподнятое настроение и не объяснишь. На обед и ужин меня попросили сварить что-нибудь попроще, что я и выполнила, заполнив несколько контейнеров в холодильнике жареными куриными ножками, котлетами, парой салатов и картофельным пюре. После обеда Антон ушел в свою комнату, а Ольга – к Руслану. Оказалось, что она действительно там может находиться сколько угодно времени без жертв с обеих сторон.

Я же прибралась на кухне, загрузила посудомоечную машину и решительно отправилась к новому уровню взаимопонимания. Ольга сама будет с ложечки кормить нашего гения – теперь есть чем. И даже эта утонченная дамочка способна справиться с микроволновкой, мое участие в этом не требуется.

Постучала тихо, он открыл через минуту, натягивая футболку. Наверное, намеревался отоспаться за предыдущие сутки, да не тут-то было.

– Чего еще?

Я подняла вверх две бутылки пива.

– Пытаюсь наладить отношения.

Он взглядом оценил презент и отступил, пропуская внутрь.

– Чего-то мало ты принесла, чтобы отношения наладить. Ладно, у меня тут где-то текила была.

В комнату его я раньше только заглядывала – просторная, как и все помещения в этой квартире, окна занавешены непроницаемыми шторами, и хоть на улице разгар дня, включен искусственный свет – приглушенный, но и не создающий ощущения полумрака.

Я сама открыла ему одну из бутылок, чтобы он случайно не заметил, что крышка была уже отвернутой, протянула. Антон отпил большим глотком, а только потом стукнул доньшком по моей, чокаясь. Необходимо было выждать какое-то время до начала серьезного разговора, поэтому я просто расспрашивала о подробностях Русланова «творческого процесса». Он отвечал, хоть и был заметно уставшим. Это подкрепило мою уверенность, что я выбрала подходящий день для допроса.

Расслабилось как-то само собой, незаметно и довольно быстро, а дальше я плыла по течению. Антон даже приобнял меня немного, когда мы распевали: «Черный во-о-орон! Что ж ты вьё-о-ошься...».

– У Руслана точно звукоизоляция? – поинтересовалась я, вдруг вспомнив, что нас, наверное, слышно и в соседнем доме.

– Точно. Сам контролировал установку.

– А Оля что скажет? – я имела в виду наши пьяные посиделки в этой комнате вдвоем.

Мой собутыльник посмотрел на меня с иронией:

– А что она должна сказать? Ничего, – хмыкнул. – Она мне уже даже пару раз прямо заявила, что пора девушкой обзаводиться. На тебя намекая.

– Тебе разве нужна девушка? – изумилась я Ольгиной находчивости – ишь, кому этого придурка решила пристроить! Неужто наконец почувствовала во мне соперницу?

– Пфф! Нет, конечно!

Неладное я заподозрила, обнаружив себя танцующей на его постели. Плавнo водя головой в такт несуществующей музыке, я вдруг начала понимать, что с бутылки пива меня так развезти не могло. Я ж пьяная в доску – с чего вдруг? Будто... А я точно отдала ему правильную бутылку?! Неужели случайно перепутала? Пригляделась к своей таре – этикетка немного надорвана снизу, эта – моя. Ничего не понимаю – что происходит?

Мои внутренние противоречия сам Антон и разрешил. Он сидел на полу, облокотившись на кресло, смотрел на меня, расслабленно улыбаясь, но вдруг взгляд его стал чуть более сконцентрированным:

– Поварешка, что ты мне подсыпала? У меня мысли друг за друга не прицепляются.

Потрясла головой. Теперь я понимала еще меньше. Но остановить танец ни сил, ни желания не было, поэтому пыталась соображать так, не прерывая движений. Сообразила:

– Ё-ё-ёжики колючие, ты мне тоже что-то подсыпал!

Он отставил свою, уже пустую, бутылку в сторону и ответил честно:

– Похоже, взаимно.

Да, я явно не учла, с кем связалась. Но Антон-то это спланировать заранее не мог – а это означало две вещи: он сориентировался по ситуации, возможно, тоже с надеждой меня разговорить – наверное, подслушанный разговор с мамой все же натолкнул его на какие-то подозрения. И второе – у него в комнате, где-то прямо под рукой, хранилась наркота – и теперь даже непонятно, чья окажется посильнее.

– Вот же скоти-и-ина, – возмутилась я мелодично, подпевая несуществующей музыке.

– Я от тебя такого тоже не ожидал, – он шатко поднялся на ноги и направился к встроенному в шкаф бару. – Тогда продолжим, раз мы так синхронно начали? Время текилы.

– Разливай, – спорить я уж точно не собиралась, и без того музыку еле слышно.

Но он, схватив меня за руку, стащил на пол, после чего всучил стакан с прозрачной жидкостью. Оказалось, что сидеть – точно так же интересно, как и танцевать.

– За дружбу, – он чокнулся со мной и выпил в несколько глотков. Я пожала плечами и решила не отставать.

Сейчас самое время говорить о чем-то серьезном – он мне сейчас все на блюде с голубой каемочкой выложит! Но язык в сторону серьезного никак не поворачивался.

– А д... де твой кот? – я сильно старалась, чтоб слова произносились отчетливее.

– Так у родителей же. У Руслана аллергия, – он даже наклонялся ко мне, видимо, чтобы было лучше слышно невнятную речь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alekseeva_oksana/kogda-zheltyy-karlik-vyhodit-na-ohotu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)